

УДК 343.713

СОДЕРЖАНИЕ ШАНТАЖА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ The Content of Blackmail: Theory and Practice

НИКИТИН Юрий Алексеевич – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Омской юридической академии (Омск)

Nikitin Yury A. – Post-Graduate Student of Criminal Law and Criminology Department, Omsk Law Academy (Omsk)

sradzuga@gmail.com

Аннотация. В статье раскрывается характеристика сведений, которые составляют содержание шантажа как разновидности вымогательства. Автор приходит к выводу, что действующая редакция нормы о вымогательстве искусственно суживает сферу применения данной нормы, что не может не сказываться на эффективности борьбы с указанным видом преступления.

Annotation. The article reveals the characteristic details that make up the content of blackmail as a type of extortion. The author concludes that the current version of the rules on extortion artificially narrows the scope of this provision, which can not but influence the effectiveness of the fight against this type of crime.

Ключевые слова: уголовное право, вымогательство, шантаж, угроза распространения сведений, порочащие сведения, судебная практика.

Keywords: criminal law, extortion, blackmail, threat of revealing personal data, defamatory data, judicial practice.

DOI: 10.19073/2306-1340-2016-3-61-64

Шантаж сам по себе не является отдельным составом преступления, обособленным в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). Согласно сложившейся правовой практике шантаж – это способ совершения другого преступления, чаще всего вымогательства, выраженный в виде угрозы совершения явно нежелательных для шантажируемого лица действий, не связанных с причинением прямого вреда здоровью и жизни, и состоящий в требовании передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой распространения определенных в законе сведений о потерпевшем или его близких. Законодатель разделяет сведения, которые составляют содержание шантажа, как разновидности вымогательства:

1) сведения, порочащие потерпевшего или его близких;

2) иные сведения, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

В соответствии с разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве» под сведениями, порочащими потерпевшего или его близких, следует понимать сведения, порочащие их честь, достоинство или подрывающие репутацию, а равно иные сведения, оглашение которых может нанести ущерб чести и достоинству потерпевшего или его близких (п. 10) [3].

Несмотря на данные разъяснения, дискуссионным остается вопрос об отнесении к сведениям, порочащим потерпевшего или его близких, информации о совершенном ими преступлении. Так, Л. Д. Гаухман и С. В. Максимов безоговорочно относят к порочащим сведения о любых

противоправных, аморальных и других неблагоприятных поступках потерпевшего либо его близких [1, с. 121]. В. В. Щербина также причисляет к сведениям, позорящим потерпевшего, информацию об аморальном проступке или совершенном преступлении. При этом отмечается, что сам потерпевший должен считать данные сведения позорящими и не желать, чтобы они стали известны посторонним [9, с. 36].

С. М. Кочои выразил сомнение, что сведения о совершенном кем-либо преступлении позорят это лицо, поскольку позор означает «бесчестье, вызывающее презрение», а лицо, совершившее преступление, как раз и должно вызывать презрение [2, с. 243]. Таким образом, информация о реально совершенном лицом преступлении объективно не может опозорить последнего, независимо от мнения самого потерпевшего.

Суть позора, по мнению В. Н. Сафонова, состоит в чувстве стыда [8, с. 61]. Преступники же не всегда считают факт совершения преступления позорным для себя и не испытывают чувства стыда, опасаются же они факта разглашения данных сведений только из-за страха возможного наказания. В данном случае информация о совершенном преступлении не будет относиться к позорящим сведениям ввиду того, что она субъективно не воспринимается в качестве таковой.

Следует констатировать, что сведения о реально совершенном лицом или его близкими преступлении не могут быть отнесены к позорящим, а их распространение не способно причинить существенного вреда чести и достоинству потерпевшего от вымогательства. Вместе с тем предназначение угроз при вымогательстве – вынудить потерпевшего совершить определенные действия либо бездействие под угрозой распространения таких сведений, которые не должны стать достоянием окружающих и которые потерпевший пытается сохранить в тайне. Безусловно, потерпевший стремится сохранить данные сведения в тайне в большей степени из-за страха возможного привлечения к уголовной ответственности, что оказывает на него такое же стимулирующее воздействие, как и угроза применения насилия либо уничтожения или повреждения имущества.

В связи с изложенным угроза распространения сведений о действительно совершенном преступлении должна образовывать вымогатель-

ство, несмотря на то, что действующая редакция нормы не позволяет отнести данные сведения ни к позорящим потерпевшего или его близких, ни к иным сведениям, которые, как указано в ст. 163 УК РФ, могут причинить существенный вред правам и законным интересам указанных лиц. Попутно следует заметить еще одну неточность законодателя, которая выражается в том, что не сами по себе сведения могут причинить какой-либо вред, а только действия виновного по их распространению.

По пути признания сведений о совершенном преступлении в качестве вымогательской угрозы идет и современная судебная практика. Так, по приговору Вологодского городского суда от 17 ноября 2014 г. по делу № 1-721/2014 были осуждены гр-не К. и Л. за преступление, предусмотренное пп. «а», «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ, совершенное при следующих обстоятельствах. Указанные лица, имея видеозаписи, содержащие информацию о причастности Щ. к заказу убийства Д., с целью незаконного требования у Щ. денежных средств в крупном размере под угрозой разглашения позорящих его сведений, которые могут причинить существенный вред его правам и законным интересам, действуя умышленно, из корыстных побуждений, высказали незаконные требования о передаче им денежных средств, угрожая передачей указанных видеозаписей в правоохранительные органы и возбуждением в отношении Щ. уголовного дела [6]. Как установил суд, именно страх перед возможным разоблачением вынудил потерпевшего согласиться на требования вымогателей и передать им требуемую сумму денег.

В приведенном примере можно увидеть еще одну неточность, которую допускает правоприменитель. Как указывалось выше, законодатель разделяет сведения, распространением которых угрожает вымогатель, на *позорящие* сведения, а также *иные сведения*, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких. Суды же не столь щепетильны в отнесении информации о совершенном преступлении к тому или иному виду сведений и зачастую указывают в своих решениях, что вымогательство было совершено под угрозой распространения «позорящих сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего». Считаю неверным смешивать эти два самостоятельных вида сведений, по-

скольку возможен шантаж как сведениями, порочащими потерпевшего, но распространение которых не нарушает его права и законные интересы (совершение аморальных поступков), так и сведениями, способными повлечь указанные последствия, но не являющимися порочащими (например, наличие заболевания, факт усыновления, сведения о совершенной сделке и др.).

Что же касается сведений о совершенном лицом или его близкими преступлении, то достаточно очевидно, что распространение данной информации не сможет причинить вред правам и *законным* интересам потерпевшего, поскольку уголовное законодательство не может охранять заинтересованность лица в стремлении избежать обоснованного и законного привлечения к уголовной ответственности.

Таким образом, действующая редакция ст. 163 УК РФ искусственно сужает сферу применения данной нормы, что не может не сказываться на эффективности борьбы с данным видом преступления. Решить эту проблему возможно путем указания в качестве сведений, используемых при шантаже, любых сведений о потерпевшем или его близких, которые потерпевший желает сохранить в тайне. На самом деле, не имеет принципиального значения причина, по которой потерпевший желает сохранить какие-либо сведения в тайне. Главное, что нежелание распространения указанных сведений вынуждает потерпевшего соглашаться на требования вымогателей.

Состав вымогательства сконструирован законодателем как формальный: данное преступление окончено с момента предъявления соответствующих требований под угрозой распространения указанных в законе сведений. Таким образом, сам факт распространения каких-либо сведений выходит за рамки состава рассматриваемого преступления и, соответственно, в случае, если указанные действия содержат признаки иного преступления, требуется дополнительная квалификация по соответствующим статьям УК РФ.

Действия вымогателей могут быть сопряжены также с распространением сведений, составляющих личную или семейную тайну, и, при наличии к тому оснований, должны быть дополнительно квалифицированы по ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни». Так, по приговору Бутырского районного суда г. Москвы от 10 апреля 2012 г.

по делу № 1-191/12 был осужден гр-н М. за совершение ряда преступлений, в том числе и деяний, предусмотренных ст.ст. 137 и 163 УК РФ. Указанные преступления были совершены при следующих обстоятельствах. Гр-н М. из корыстных побуждений потребовал от ранее знакомой ему Ш. передать ему денежные средства и ценные вещи под угрозой распространения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – сеть «Интернет») против воли Ш. фотографий с обнаженным изображением последней, порочащих и унижающих ее честь и достоинство, которые им (М.) были изготовлены ранее, в период совместного проживания с ней, а также под угрозой опубликования в сети «Интернет» объявлений о том, что Ш. якобы предоставляла интимные услуги за денежное вознаграждение, что не соответствовало действительности. После получения требуемого имущества гр-н М. опубликовал в сети «Интернет» указанные выше фотографии [5]. Суд указал, что данные действия совершены в нарушение требований ст. 24 Конституции Российской Федерации, п. 7 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ [4] и, соответственно, являются нарушением неприкосновенности частной жизни, а именно незаконным распространением сведений о частной жизни лица, составляющих его личную тайну, без его согласия.

Вместе с тем анализ судебной практики по делам о вымогательстве показал, что далеко не всегда суды прибегают к дополнительной квалификации, ограничиваясь лишь вменением виновным состава преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ. Примером может служить приговор Советского районного суда г. Рязани от 26 марта 2015 г. по делу № 1-118/2014 1-9/2015, в соответствии с которым за вымогательство были осуждены гр-не Р. и П., требовавшие от местного чиновника Ф. крупную сумму денег под угрозой распространения порочащих сведений, а также сведений, способных причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего. Свою угрозу виновные в дальнейшем реализовали путем публикации в средствах массовой информации статей, в которых гр-не Р. и П. целенаправленно допускали негативные высказывания в отношении личных и профессиональных качеств Ф., указав, что тот является некомпетентным руководите-

лем, а также распространили сведения, позорящие последнего, умаляющие его достоинство, честь и доброе имя, о якобы имеющих место фактах сокрытия Ф. имущества от декларирования, а также совершении злоупотребления своими полномочиями [7]. Несмотря на то, что из содержания приговора можно сделать вывод о наличии в действиях виновных признаков преступления, предусмотренного ст. 128.1 УК РФ «Клевета», суд возможность вменения данного состава даже не рассматривал.

Подводя итог сказанному, отметим следующее. Для того чтобы избежать дальнейших споров о том, что же является «сведениями, позорящими честь и достоинство» личности, а также для более точного и эффективного правоприменения Пленуму Верховного Суда Российской Федерации необходимо конкретизировать понятие «позор», обратить внимание судов на разделение понятий «позорящие» и «иные» сведения и добавить к ним сведения о совершенном потерпевшим преступлении.

Библиографический список

1. Гаухман, Л. Д. Ответственность за преступления против собственности / Л. Д. Гаухман, С. В. Максимов. – 2-е изд., испр. – М. : АО Центр ЮрИнфоР, 2001. – 310 с.
2. Кочои, С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности / С. М. Кочои. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : [б. и.], 2000. – 288 с.
3. О судебной практике по делам о вымогательстве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 17 дек. 2015 г. № 56 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный.
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс] : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный.
5. Приговор Бутырского районного суда г. Москвы № 1-191/12 от 10 апр. 2012 г. [Электронный ресурс] // Судеб. и норматив. акты Рос. Федерации. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/yFBpiZ5vt3ZK/> (дата обращения: 29.10.2015).
6. Приговор Вологодского городского суда № 1-721/2014 от 17 нояб. 2014 г. [Электронный ресурс] // Судеб. и норматив. акты Рос. Федерации. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/E9uzOVJT23QF/> (дата обращения: 27.10.2015).
7. Приговор Советского районного суда г. Рязани № 1-118/2014 1-9/2015 от 26 марта 2015 г. [Электронный ресурс] // Судеб. и норматив. акты Рос. Федерации. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/zBqs4oGgPToH/> (дата обращения: 29.10.2015).
8. Сафонов, В. Н. Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ : моногр. / В. Н. Сафонов. – СПб. : Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. – 239 с.
9. Щербина, В. В. Уголовно-правовое воздействие на вымогательство : учеб. пособие / В. В. Щербина. – Омск : Изд-во Юрид. ин-та МВД России, 2000. – 92 с.